

Интервью с ветераном Первой чеченской войны

Я помню соседа Андрюху - здорового, жизнерадостного парня, который пришел с той войны совсем другим. Он не рассказывал, что такое он там увидел, что стал кричать по ночам так, что будил соседей. Сначала он просто бухал, потом стал колотиться. Похоже, он очень хотел забыть то, что видеть нормальный человек не должен. Он довольно быстро убил себя, где-то за год, его нашли умершим от передозировки в кустах у подъезда.

Теперь, когда я слышу новости, в которых есть слово «Чечня», я сразу вспоминаю его. А с чем ассоциируется это слово у российского обывателя? Может, с видеороликами с отрезанием голов пленным солдатам? С новогодним выступлением в 95-м ныне покойного Ельцина, или с призывом пока еще здравствующего Путина «мочить в сортире»? А что вспоминают чеченцы, бомбежки колонн беженцев и зачистки сёл? Люди, прошедшие войну, живут среди нас. Кто-то из них смог вернуться к нормальной жизни, кто-то сломался. Люди, лично ответственные за ту войну, за тысячи убитых, тоже среди нас. Эхо той войны слышно до сих пор. Только новости о привычных терактах разбавляются то убийством Буданова, то покупкой Кадыровым на наши деньги очередного ламборджини для своего кортежа или дорогого заграничного тренера для футбольной команды.

— Когда ты попал в Чечню?

— Я служил срочную службу в Чистых ключах, а в 1994 г, под дембель, прошел слух по части, что набирают солдат в Чечню. Официально нам сказали, что едем на учения. В Гусиноозерске нас формировали, в Екатеринбурге получили снаряжение, автоматы, технику. О том, что нас везут в Чечню нам сказали только тогда, когда мы пересекли границу. Тогда нам и сообщили, что за дезертирство — расстрел, за мародерство — расстрел, отныне мы живем по законам военного времени. В общем, попал я туда в феврале 95-го и дембельнулся прямо из окопа в апреле. В январе брали Грозный и я попал туда сразу после Нового года, практически.

— Вы знали тогда о ситуации в Чечне?

— Да, по телевизору показывали. В Екатеринбурге смотрели новости, знали, что идут бои.

— Как ты поначалу воспринял, что приехал на войну?

— По молодости сначала было интересно. Хотелось показать себя, погеройствовать. Ну и немного побаивался, конечно. Война ведь, могут и убить. Но большого страха не было. Всё стало ясно, когда первый раз попали под обстрел. Потом просто считал часы, дни. На войне нет планов, там просто проживаешь каждую минуту как последнюю.

— Где ваша часть дислоцировалась?

— Мы передвигались, подробно сейчас не помню уже, столько времени прошло. Помню Гудермес, Аргун, Шали, Чечен-аул. В пригородах этих городов мы стояли.

— Твои первые впечатления?

— Ну, только приехали, помню, едем... А у них зимой слякоть, морозов как у нас нет... Ехали колонной, объезжали технику, самолет на дороге стоял, экскаватор перевернутый, машины. Стали подъезжать к населенному пункту — стали появляться трупы. Ноги в машине, тело на обочине... Вдоль дороги трупы лежали, все — гражданские. Приехали на место, а там разведчики стояли. Смотрим - а они ползком передвигаются. Ну мы в полный рост стоим, спрашиваем — Как дела? Что тут происходит? Они нам — Вы что, падайте, тут снайпер работает! Ну и как начало свистеть... Так до конца службы мы на коленках и передвигались. Прятались.

– Ты видел боевиков?

– Нет, только гражданских. К нам вплотную не подходили, впереди стояли танки, а перед ними еще и пехота. Были серьезные бои, но с боевиками я лично не сталкивался. На моих глазах наших ребят стреляли, взрывали, а до боевиков было метров 500. Бои были в основном, ночью, поэтому можно было увидеть только огни выстрелов. Хотя однажды, под Чечен-аулом, когда боевики пошли на прорыв через соседние позиции, было светло, как днем, от осветительных ракет и выстрелов.

– В каких войсках ты служил?

– Я — противотанкист. Водитель БРДМ, это типа БТР восьмиколесного, только пополам. Стреляли управляемыми ракетами, дальностью от 2 до 4 км. Ракета выстреливалась, за ней разматывались проводки, смотришь ее в прицел и управляешь джойстиком. Такую ракету можно загнать прямо в форточку. У нас один парень какую-то медальку получил за то, что под Шали на цементном заводе срезал такой ракетой чеченский флаг прямо под корешок.

– Расскажи какие-нибудь запомнившиеся моменты из того времени.

– Стояли в полях, речка рядом... Решили помыться, нашли бак, набрали в него воду, нагрели и тут комбат пришел. А пили там много, постоянный стресс, чтобы приглушить страх и все-такое... Ну и комбат наш пьяненький пришел и начал нас учить жизни, подозвал одного солдата молодого и стал ему объяснять, как правильно жить. А чтоб доходчиво было, он сорвал чеку с гранаты и ему эту гранату за пазуху сунул. Мы стояли рядом, тут же попадали, ждали взрыва... Глаза поднимаем — вроде разговаривают... Поговорили, комбат гранату вытаскивает и кидает в бак с водой, который мы приготовили для помывки. Падает сам, роняет солдата... Взрыв, бак розочкой... Так вот и помылись.

Ну и приколы были разные. Меня один раз разыграли, правда мне невесело было совсем. Сажу на боевом дежурстве в машине, смотрю на горизонт и тут стук по броне и голос с акцентом — Русский, сдавайся! Меня тут же за— трясло всего, как так — никакого боя не было, кругом наши и тут попались... Тут очередь по броне, я совсем расстроился... А я сидел за установкой, а на моем месте водительском сидел командир. В общем решили попробовать уехать, пока нас не подожгли. Стали меняться местами, кабина узкая, не протиснуться, тут слышим — смех. Поняли, что это наши над нами пошутить решили.

- Много пишут, что был бардак на войне...

– Да вот случай был показательный — сообщает нам пехота, что на нас движутся танки. Сделали запрос — танки не наши. Принимаем решение танки подбить. Выдвигается наша установка и подбивает два танка. Ребята довольные приехали, отличились, наградят... Не тут-то было, комбата на следующий день под трибунал, оказывается — это были наши танки.

– Танкисты погибли?

– Эта ракета кумулятивная, прожигает броню и внутри взрывается, шансов никаких вообще. Несогласованность такая была постоянно.

– Ты какие-нибудь сувениры привез с собой оттуда?

– Нет, демобилизовался я там, утром еще в окопе, а в обед сдали оружие и в Грозный на вертолет. С собой только вещмешок. Новую одежду выдали в Моздоке. Ничего с собой не увез.

– Ты по Грозному самому проезжал?

– Да, там в натуре Сталинград был... Мимо дудаевского дворца проезжали, разруха, ни одного живого дома. Тогда уже аэропорт восстанавливали, но все равно в Грозном еще стреливали.

- Как со снабжением там было?

– Ужасно. Первый раз в жизни я испытал голод там. Кормили себя практически сами. Где-то лук наберешь, курицу поймашь, картошки подкопашь. Мародерствовали потихоньку. Часть нам давала только сечку, свиньям вкуснее варят... Хлеб привозили прямо в грузовике и в грязь вываливали. Более-менее почище выберешь... Псылки нам иногда приезжали, мне родственники прислали чай... Так вот этот чай я не пил, а просто нюхал и дом вспоминал. Чеченский чай без запаха, а наш чай ароматный. Правда, коробку с чаем у меня мои сослуживцы нашли, высказали мне, типа затаил посылочку... Выпили.

– Ты лично стрелял?

– Да. Тут, видишь ли, у меня был такой страх... Когда начиналась стрельба вокруг, я не видел, куда конкретно стреляют, учитывая ещё мое зрение не очень хорошее. Что-то суетятся все вокруг, бегают, палят, а куда — непонятно... Ну я стрельну, куда все, а рожок на автомате быстро кончается и я думаю — а если сейчас настоящий прорыв, а у меня патроны кончатся... Такой вот страх был. Вот за установкой в оптику хорошо было видно, на 4 км. Был такой момент — сижу в машине, вижу огоньки выстрелов из дома напротив. Я по радиации докладываю — Вижу цель! Мне — Цель уничтожить! Я ракету пускаю... и не вижу ее в прицел. Тем не менее по дому взрыв виден... Оказывается меня услышали танкисты рядом и пальнули туда же. Наутро я свою ракету нашел под колесами, неразорвавшуюся. Она выстрелила и не полетела... Я ее трогаю, а она горячая. Сходил, доложил командиру. Зафиксировали ее, отъехали и попробовали расстрелять. Она не взорвалась, так ее и оставили. Так что ракеты у нас были нелетающие. Вообще, из шести машин у нас стреляли только две, остальные просто катались.

– Как война повлияла на твою жизнь, твои взгляды?

– Сначала заморачивался, думал, что я же воевал... А потом...

– Что ты получил от государства как ветеран?

– Удостоверения участников боевых действий нам дали только через десять лет. Льготы... Знаешь, поначалу я ездил бесплатно в автобусе, показывал военный билет. А как-то мне кондуктор говорит — Я тебя туда не посылала, плати давай или выходи! Мне было очень стыдно и обидно, я заплатил и больше никогда не ездил бесплатно. Льгот практически нет, а получаю пенсию 1500, и всё. Там есть какие-то льготы, я пробовал узнавать, но это такая волокита...

– В армии сталкивался с дедовщиной?

– Да, везде она была, и в Чечне тоже.

– Как ты считаешь, имело смысл вводить войска в Чечню?

– Ну, это вопрос не ко мне, я просто рядовой был. Официально мы там восстанавливали конституционный порядок. Уже сейчас я думаю, что там просто столкнулись чьи-то интересы. Т.е. воевали не народы, русские с чеченцами, а просто кровью наших солдат и чеченцев какие-то люди преследовали свои корыстные цели. Думаю, любой войны можно было бы избежать, но это не выгодно тем, кто их затевает. А начинают войны не простые люди, не народ, а те, кто стоят у власти.

– Как ты относишься к чеченцам?

– После войны я считал их врагами. Сейчас я очень хорошо отношусь вообще к кавказским народам. У них очень интересная культура, религия. Сами люди хорошие, добрые, приветливые, если они не оборзевшие и зажиревшие, как встречаются тут в России. Я уважаю этот народ. И хозяйство они, кстати, грамотно ведут, я видел в Чечне. Все газифицировано, электричество, подвод воды, коровники построены хорошо. Наши колхозы тут загибались, а у них процветало.

– Что бы ты посоветовал пацану, который пошел в армию, как себя правильно вести?

– Прежде всего быть мужиком — сказал-сделал. В армии нужно быть жестким, никакой мягкотелости или нерешительности, а то быстро задр^чат. Если пытаются унижить — дать в морду. Лучше пусть один раз отп^здят, чем потом пресмыкаться постоянно. Ну и оставаться собой, быть человеком.

– А на войне?

– На войне прежде всего нужно постараться выжить. А если придется умереть, то сделать это достойно. Это очень трудно сделать, когда животный страх прёт, к этому нужно себя готовить. Мне трудно об этом говорить.

– С чем у тебя ассоциируется война, в одном предложении.

– Смерть и грязь...

Интервью взято летом 2011 году и опубликовано в газете "Волная Сибирь" №11

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)